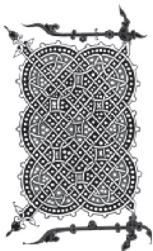

© 2021 О. В. Матвеев
Россия, Краснодар

РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ В НАРОДНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РУССКИХ И БЕЛОРУСОВ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Аннотация. Статья посвящена характеристике общего и особенного в исторических представлениях русских и белорусов о Речи Посполитой. Автор рассматривает народные тексты, противопоставляя их произведениям, вышедшим из-под пера представителей нобилитета, анализирует формирование предубеждений и стереотипов жителей Польши. Сведение мозаичной картины истории к четким образам «своего» и «чужого» в народных представлениях в статье увязано с влиянием определенных конфессиональных, идеологических, политических и этнокультурных ситуаций.

Ключевые слова: народные исторические представления, Речь Посполитая, белорусы, русские крестьяне, поляки, этноконфессиональные стереотипы, предания, фольклорные образы, шляхта.

Abstract. The article is devoted to the characterization of the general and special in the historical ideas of Russian and Belarusians about the Commonwealth. The author considers the folk texts, opposing their works that came out from under the pen of representatives of the nobility, analyzes the formation of prejudice and stereotypes of the residents of Poland. The reduction of the mosaic picture of history to clear images of «familiar» and «foreign» in the people's ideas is linked to the influence of certain confessional, ideological, political and ethnocultural situations.

Keywords: folk historical ideas, Polish-Lithuanian Commonwealth, Belarusians, Russian peasants, Poles, ethnoreligious stereotypes, legends, folklore images, nobility.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-59-00017 «Историческая культура белорусов и россиян: формирование представлений о национальном и общем прошлом»

Матвеев Олег Владимирович (Matveev Oleg Vladimirovich) - профессор Кубанского государственного университета, доктор исторических наук, ovm1965@list.ru
Научный православный журнал «Традиции и современность». 2021. № 26. С. 52-66

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoslavie.ru>
УДК – 394.91; ББК – 63.3 (2) 46; 64-36; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2021-26/52-66>

Образы соседей, врагов, союзников, представителей иного вероисповедания в народных представлениях помогают многое понять в проецировании идей и ценностей, принятых в «своем» обществе. У истоков направления в русской этнографии, которое обозначило перспективы систематического изучения народных исторических представлений, стояла М. М. Громыко (Громыко 1991; Громыко, Буганов 2000). Сегодня это направление успешно продолжает развиваться в исследованиях ученика Марины Михайловны А. В. Буганова. В докторской диссертации, монографиях, статьях А. В. Буганова, посвященных историческим взглядам русских крестьян, важное место уделено восприятию иноземцев и иноверцев (Буганов 2009а: 70–87; Буганов 2009б: 7–27; Буганов 2012; Буганов 2013).

В статье предпринята попытка характеристики общего и особенного в исторических представлениях русских и белорусов о Речи Посполитой. Это государство, созданное в результате Люблинской унии 1569 г. и просуществовавшее до его третьего раздела в 1795 г., сыграло важную роль не только в истории двух восточнославянских народов, но и наложило отпечаток на формирование этноконфессиональных стереотипов, поведенческих установок и исторических предпочтений.

С точки зрения русского православного сознания XVI–XVII вв., образ Речи Посполитой складывался как образ конфессионально чуждого и потому изначально враждебного государства (Левкиевская 2000: 231). И поведение, и одежда, и бритые подбородки его жителей не просто ассоциировались в глазах русского человека с нехристианским миром, но совершенно однозначно увязывались с нечистой силой. Е. Е. Левкиевская справедливо отмечает, что массовые случаи осквернения польскими солдатами церквей в ходе русско-польских войн, надругательства над иконами и мощами святых укрепляли в русском сознании представление о католиках, как о безбожниках и нехристях (Левкиевская 2000: 233). Подобный мотив часто присутствует в русских преданиях о панах. Так, в предании «Свадебный камень», записанном Н. А. Криничной в Карелии, поляки грабят монастырскую церковь (Азбелев 1992: 100). В

Степан Баторий.
С европейской гравюры

предании о нападении панов на Кижи поляки трижды пробивают образ Спасителя, «после этого осквернения служение в церкви надолго оставили, и, наконец, она сгорела от молний» (Азбелев 1992: 102).

В «Повести о прихожении Стефана Батория на град Псков», приписываемой псковскому иконописцу Василию, эпитеты в адрес польского короля и его воинов служат созданию доминанты битвы за веру: «неистовый зверь и

Баторий под Псковом. С картины Я. Матейко 1872 г.

Польский шляхтич и ротмистр

неумолимый аспид», «агарянин», «литовский безбожный король», «ты, Оботура, в безбожной своей ереси» (Мочалова 2000: 38). В предании, зафиксированном П. И. Якушкиным в Псковской губернии, защитить Псково-Печерскую лавру от войск польского короля помогает Свя-

той Николай: «Подступал Стефан Баторий под наш монастырь, так Николай Угодник днем верхом ездил вокруг монастыря, а по ночам пешой ходил; а с угодником было сорок мучеников - Баторий ничего и не сделал» (Площук 2020: 163). Н. Ф. Окулич-Казарин рассказывал о происхождении названия «Выползова слобода»: «В народе живет предание, будто находящаяся сейчас же за Покровской башней Выползова слобода названа так от того, что во время штурма 8 сентября Матерь Божия ослепила поляков, а те поползли назад» (Филюшин 2016: 219-220).

Е. Е. Левкиевская справедливо указывает на обвинения в связях выходцев из Речи Посполитой с нечистой силой, которые звучат в русских народных текстах (Левкиевская 2000: 233). В адрес Дмитрия Самозванца и Марины Мнишек в песне «Гришка-Расстрижка» говорится: «Они свадьбу играли в Филиппов пост, / Венец принимали в Миколин день». В Христов день, когда «все князья-бояре Богу молятся», вор Гришка-Расстрижка «в мыльны моется», «со Маринушкой блуд творит» (Азбелев 2001: 113). Имя Марины Мнишек напрямую увязывалось с оборотничеством. В одном из преданий москвичей утверждалось, что после гибели первого Самозванца она обернулась сорокой и вылетела из окна (Левкиевская 2000: 234). Поэтому, согласно преданию, чтобы избавиться от Марины Мнишек, москвичам пришлось перебить всех сорок.

Польская шляхта в XVII в.

Как признак демонической природы воспринимались русскими людьми и бритые подбородки поляков. В народном сознании бритый подбородок как бы уподоблял мужчину женщине. Люди, бреющие бороду, как бы постоянно находятся в состоянии travestии, а любая travestии выступала формой оборотничества и однозначно связывалась с демонизмом. В сочинениях русских авторов начала XVII в. в перечне грехов, за которые Господь наказал русских, наслав на них поляков, бритье бороды встречается наряду с такими прегрешениями, как оскорбление имени Божьего, обращение к бесам, колдовство (Левкиевская 2000: 236-237).

Ещё в период независимого существования Великого княжества Литовского оформленся духовный раскол между нобилитетом и низшими сословиями белорусских земель. С оформлением унион этот процесс усиливается, и белорусская шляхта приобщается к польской духовной культуре, языку и католицизму. Белорусским крестьянам и мещанам, по сути дела, противостоит новое этносоциальное сообщество – «польский народ шляхетский», объединенный католической верой, сарматской идеологией, правами и привилегиями. Как справедливо указывает специалист в области белорусской имагологии А. М. Кротов, шляхта не только порвала с традициями своего народа, но и продвигала «польскость» во всех проявлениях, что не могло не сказаться и на формировании народных исторических представлений белорусов о правителях Речи Посполитой, её внутренней и внешней политике (Кротау 2004: 206).

Речь Посполитая в народных представлениях белорусов однозначно наделена чертами потустороннего мира в отличие от «своей земли». Соотношение Польши с адской, пагубной сферой мироздания особенно ярко отражено в легенде «Вековечная межа»: «Жыу калісь у нашай зямлі князь Радар, які спярша кавалём быу, а пасля ж яго выбралі у князі. А у Ляцкай старане жыу кароль Лях, у якога быу змей

Белорусский нищий с лирой. Минская губ. Игуменский уезд

Белорусские крестьяне. Начало XX в.

Крагавей. Панадзіуся змей Крагавей у нашу старану хадзіць: прыдзе, людзей паядае, а што не з“есць – пабівае» (Лобач 2009: 56). Результатом поединка мифологических героев стала победа Радара, когда он поймал змея, вспахал на нем долину Буга, ставшего границей между Речью Посполитой и белорусскими землями.

Исследовательница белорусской идентичности Ю. В. Чернявская считает, что окатоличивание крестьян, а затем распространение униатства приводит к двум трансформациям в картине мира белорусов. Во-первых, к отдалению от храмов, где царили молитвы на чужом языке и неизвестные обряды. Поэтому белорусы вновь обращаются к пантеону народных

Белорусы.
С картины Паули

верований, персонажи которых то помогали, то мешали жить, но, по крайней мере, не меняли своих привычек и облика. Следствием этой трансформации стали фольклорные образы крестьянского Бога и внецерковного «святого человека» (Чернявская 2010: 47). Во-вторых, по мнению Ю. В. Чернявской, Речь Посполитая воспринималась как отчество панов-католиков, поэтому белорусы укрываются в другом, метафизическом отечестве – униатской церкви, ставшей духовной скрепой белорусского народа (Чернявская 2010: 52).

Нам представляется подобный подход несколько искусственным. Народная демонология существовала всегда и органически вписалась в христианскую картину мира. Что же касается русской веры, то память о ней не исчезала и во время насаждения католичества и униатства. В белорусской народной песне говорится: «Ад ксендза Радзивила / Понайшла нячыста сила / Понайшла нячыста сила / Руску веру паглумила... / Не было к нам ани слова / Ни из Слуцка, ни з Турова» (Кабашников 1958: 323). В белорусских паремиях также зафиксировано

противопоставление католицизма и православия: «Кatalік - у неба мык, русь - у пекла шусь» (Середа, Иноzemцева 2019: 341).

Среди методов окатоличивания в Речи Посполитой имело место заманивание и постепенный отъем прав у православных (Чернявская 2010: 47). В белорусских сказках высмеивается хитрый ксендз, который пытается вовлечь в католическую веру крестьян различными мистификациями. В одной из сказок ксендз, чтобы произвести впечатление на селян во время воскресной службы, заставляет парубка купить белого голубя и по его, священника, знаку впустить в костел через отверстие в чердаке. Однако голубя съел кот. «А тым часом ксендз у косцеле казау казаньня и подняуши руки до неба, каже: «Духу Свенты, зэйць на мене!». А паробок с горы кричиц: «Не машь, добродзею, кот зъядл!»» (Шейн 1893: 323)

Ю. В. Чернявская высказала мнение, что доверие к православию на белорусских территориях Речи Посполитой было «подорвано военной политикой восточного соседа – крайней жестокостью Ивана IV на оккупированных в годы Ливонской войны землях» (Чернявская 2010: 50). Действительно, в эпической поэме XVI в. на новолатинском языке «Радзивиллада», создание которой сегодня приписывается автору белорусского происхождения (Лушневская 2017: 202), описываются жестокости московских войск: «Енкі чуваць адусоль, галашэнні і плач па забітых. / Прагнае полымя жне усе сады пладаносныя й нівы. / Попел пакрыу гарады, скроль свавольная зброя лютуе. / Гіне народ, над якім Марс літоускі раней злітавбуся. / Хто зможа тут ацаніць ваныш страты пры гэткай паразе, / Меру лівонскіх пакут, ліхадзейныя учынкі тырана?» (Лушневская 2017: 202).

Однако это очевидный взгляд представителя «народа шляхецкого», вдохновленного «литовским Марсом» на борьбу с «тираном». Белорусские народные тексты о жестокости войск Ивана IV нам не известны. В топонимических преданиях белорусов образ Ивана Грозного во все не несет негативного содержания: «Паводле народных аповедау, у вёсці Зябкі Верхнядзвінскага раёна на мясцовай гары у час сваіх лівонскіх і польскіх паходау “апачивау” Іван Жахлівы. “Апачивау” ён і в быльм мястэчку Грозава Капыльскага раёна, толькі ужо пад дубам. А у Домжарыцах Лепельскага раёна на месцы цяпрашніх курганову, паводле легенды, некалі быў “лагер рускага войска под кірауніцтвам цара Івана Жахлівага”» (Дучыц, Клімковіч 2011:

Донской казак.
С гравюры европейского художника

Кубанские казаки.
Начало XX в.

Русские крестьяне.
Начало XX в.

326–327). Более того, в белорусских вариантах песни о Кострюке Иван Грозный наделяется ролью асилка-богатыря, воспевается роль Московского государства в борьбе с иноземными захватчиками (Васілёнак 1959: 14).

Главной причиной польско-католического засилья народ считал измену белорусских помещиков: «Дай к нам за грэхі / Понаішлы ляхі, / Занялі нам край / Аж до Ляховіч. / Ой, ляхи б ни прышлы, / Шчоб паны іх не свелы, / Ой, паны, шчобы пропалы, / Шчо ляхам нас запродалы; / Ой, паны, шчоб вы сгінулы / Шчо вы веру покінулы» (Беларускі эпас 1959: 187).

Политический аспект народных представлений о Речи Посполитой связан прежде всего с войнами. Известно несколько вариантов записей песни об обороне Пскова. Б. Н. Путилов весьма скептически отнесся к изображению реалий в этих текстах (Путилов 1960: 189), тем не менее, определенный историзм песня об обороне Пскова несет. Так, здесь присутствует эпизод пересмотра сил королем в песне, когда ему докладывают, что «Убыло силушки со-

рок рот, / А прибыло силушки сорок полков» (Азбелев 2001: 103). Народный текст внимателен в описании «силы королевской»: «Всех латничков, сиповщиков, / Кольчужничков, барабанщиков» (Азбелев 2001: 104). Это находит аналогии в таком источнике, как «Повесть о приходжении Стефана Батория на град Псков», где король, чтобы устрашить защитников Пскова, производит на виду у горожан смотр своему войску.

Немало реалий несут топонимические предания, связанные с Ливонской войной. Так, о происхождении названия горы Королевка жители деревни Яколевское Новоржевского района рассказывали, что на этой горе находилась ставка короля Стефана Батория. Хотя это место не совпадает с маршрутом похода короля на Псков, подробно описанного в дневнике Станислава Пиотровского, достоверно известно, что в 1581 г. вся местная округа была разорена королевскими отрядами. В деревне Бардово топоним «Вязовщина» местные жители связывают с тем, что в болотистых истоках реки Великой завяз обоз Батория (Семенов 2018).

Для белорусских преданий, по мнению историка и фольклориста В. А. Лобача, не характерен негативный образ Стефана Батория, который предстает в фольклорной истории культурным героем: прокладывает дороги, строит мосты, выкалывает колодцы, носящие впоследствии его имя. В предании о Батуровой горе говорится: «...Ёсць ішчэ места - Батурава гара. Дауней гаварылі, што на tym месці пагіб і паҳаронен ні то цар, ні то бальшой палка-водзіц Батура. Цяпер зруйнавалі, а тады большая была гара. Яно людзі послі гіблі шлемамі нанасілі зямлі, насып шлемамі нанасілі зямлі, насып здзелалі, штоб места ні паціралася» (Лобач 2019: 372). Однако необходимо обратить внимание, что традиционный мотив о насыпании могильного кургана шлемами (шапками) связан в русских и в белорусских преданиях чаще всего с турками, татарами, шведами, которые однозначно предстают захватчиками (по-белорусски - *захопнікамі*), врагами, обещают вернуться за оставленной шапкой и пр. Так, исследователи белорусской народной топонимии Л. В. Дучиц и И. Е. Климкович справедливо отмечают: «Вельмі часта узвядзенне гарадзішчау або замчышчау прыпісваецца *захопнікам*, асабліва татарам, шведам і французам. <...> Гетыя горы-гарадзішчы захопнікі нанасілі сваімі ботамі або шапкамі» (Дучиц, Климкович 2011: 194).

Реальная история белорусов в русско-польском противостоянии, конечно, была сложнее и мозаичнее, чем это откладывалось в народной памяти. И. Марзалюк указывает, что в годы Ливонской войны православные русины из белорусских земель принимали активное участие в разведывательных акциях против Московского государства, составляя костяк «шпегов» и «рыскунов», которые добывали ценную информацию, захватывали московских «языков». Так, информация о русских войсках, собранная православным гражданином г. Борисова Фёдором Якимовичем, способствовала победе польско-литовских войск на р. Уле в июне 1564 г. За свои заслуги Ф. Якимович в 1568 г. был нобилизирован. Тогда же за аналогичные дела по рекомендации оршанского старосты Филона Кмиты Чернобыльского получил «два селца за Днепром на границы Московской» оршанский мещанин Игнат Михайлович. На этом основании И. Марзалюк делает вывод, что Польско-Литовское государство воспринималось православным населением Речи Посполитой как «свое», и оно готово было проливать за него кровь (Марзалюк 2004: 551-552).

В народной памяти откладывались тексты, связанные с крестьянским взглядом на события. Показательно, что в топонимическом предании о происхождении названия имения со Стефаном Баторием имеет дело не крестьянин, а шляхтич, пан, получивший за свои услуги землю от короля: «Каралёва войска размясцілася каля засценка беднага шляхціца. Разгулявшись жаунеры парэзалі усіх гапсадарскіх кароу і барапоу, абабралі сковішчы. Няшчасны шляхціц узяу жонку, малых дзяцей і пайушов у прочки. А ішов ён па той самай дарозе, пая якой мусіу ехаць кароль. Шляхцыц убачыў Ставана Баторыя, крыкнуў: “Стань, Круль!” - і спыніў ягонага каня. Здзівіўся кароль і пытае у небаракі, чаго яму трэба. Тады шляхціц і расказаў каралю пра зласчынты ягоных жаунераў дэ папрасіц адплаты.

- Чым жа мне цябе узнагародзіць? - спытаўся кароль.

Шляхціц нізка укленчыу, і ціха кажа:

- Каролю! Зямля, на якой ты стаішь, спрэвядліва належыць табе. Але твая мосць можа і мне яе падарыць!

- Бяры і маучы! - крыкнуў кароль і паехаў прэч.

На падараванай зямлі побудаваў два засценкі і адзін назваў Каралеускім Станам, або Крулеускім Станам, а другі - Мільчам» (Дучиц, Клімковіч 2010: 310-311).

В «Радзивиллиаде» воины Речи Посполитой отвечают на боевой призыв Николая Радзивилла: «Шанец ваенны цябе ахінае сваімі крыламі. / Хто гэткі ж спрытны, як ты, у рамёствах супровага Марса? / Слава твая паляціць, панясецца на крылах нястомных / З гэтага месца, а лаур вечны гонар надасць па заслугах» (Лужневская 2017: 202). Однако здесь и в других подобных произведениях скорее нашла отражение сарматская идеология шляхты (Клімкуц 2013: 94). Подобная воинственность, любование «суровым Марсом» не свойственны народным текстам белорусов. Как справедливо отметил белорусский исследователь О. В. Лицекевич, «зусім не уласцівы беларускаму фальклору гэткі “ура-патрыятызм”, праслауленне вайны і кровапраліцця» (Ліцкевіч 2009: 95). Главной темой белорусских баллад с историческими реалиями эпохи Речи Посполитой стали не войны против Московского государства, а неприятие татарского нашествия или «турецкого плена». Главными героями подобных текстов являются мать или жена, у которых забирают в войско сына или мужа на войну, вдова, узнаявшая о гибели супруга. Такие песни глубоко-

Северин Наливайко.
Портрет XVII в.

ко укоренились в памяти крестьян, потому что описанные в них человеческие ситуации были близки и понятны простым людям, находили в них живую симпатию.

В героической поэме «Кароломахия» минского воеводы Кшиштофа Завиша, посвященной событиям Смутного времени, продвигаются идеи сарматских рыцарей о священной войне с деспотизмом: «Димитрий попытался взойти на престол отца, он благополучно взошел - так вы, о боги, захотели, - захватил власть в Московии, победив Годунова. Он избрал себе в спутницы жизни польку, чрезвычайно набожную девицу необыкновенной красоты, дочь благородного отца, из рода Мнишек: ему, воеводе, радуется знаменитый Сандомир» (Некрашевич-Короткая 2012: 28).

Здесь противопоставляется Лжедмитрий, оцениваемый как законный престолонаследник, «московскому тирану» Борису Годунову; победа войск Лжедмитрия над войском князя Ф. И. Мстиславского под Новгородом Северским в 1604 г. трактуется как победа свободы над тиранней, и такая победа предопределена небесами.

Но и это произведение, вышедшее из-под пера представителя нобiliteta, мало отвечало подлинным чаяниям белорусского народа. В белорусских народных песнях воспеты отнюдь не те казаки, которые вместе с польскими захват-

чиками разоряли Русское государство в эпоху Смутного времени, а славится казачество, сражавшееся против польского гнета. В академический сборник «Белорусский эпос» включен текст песни «У городзи Магилёве дымом поцягнуло», воспевающей подвиг казаков под руководством Наливайки. В преданиях, которые записывал в Белорусском Полесье местный краевед М. В. Шелехов, Северин Наливайко изображается уроженцем города Острога, служил в охране княжеского замка, затем перешел на сторону казаков и поднял восстание против польских панов и заключения унии (Шелехов 2012: 26). Наливайко, которого четвертовали 21 апреля 1597 г. в Варшаве при большом стечении горожан, стал в глазах белорусов мучеником за веру и свободу. В белорусской песне говорится: «Не так тая позора, як козакам порада, / Што краучыну шануючи, ляхам далась зрада / Далась ляхам зрада, із самого рана, / Ад гецмана Налівайка, шановнаго пана» (Беларускі эпас 1959: 183).

В русских исторических песнях казаки, поддерживающие поляков, характеризуются эпитетами «вор-собачушка» (Лжедмитрий II и поддерживающие его казаки), «злы изменники» (казаки, убившие Прокопия Ляпунова по велению «Гужмонда») (Азбелев 2001: 115, 124). Народные симпатии на стороне тех казаков, которые помогли освободить страну от нашествия интервентов в 1612 г.: «Пришли казаки с Дону да погнали ляхов до дому» (Краюшкина 2017: 48).

Казаки предстают одними из главных героев освобождения Москвы в рассказе, зафиксированном нами в 1996 г. в ст. Надежной Отрадненского района Краснодарского края от Сопотова Михаила Харитоновича 1910 г.р.: «Када поляки зашли вже в ету, в Москву, в Кремль... када уже опять организовали Минин-Пожарский, бъются, а казаки шашлык жарять. А казак запарожский прибегает, да: “Што же вы, братцы? Што же вы не помогаете?” - “Да нас не попросил Минин-Пожарский”. Да как развернули полки, да как ударили поляка, смяли. Две недели сидели поляки в Кремле, голодные, надо сдаваться... Которые пошли до Минина-Пожарского, эти остались живыми, которые пошли до казаков, казаки всех парубали. И вот они злые поляки, сейчас, на казаков» (ПМА 1996).

В русских пословицах Польша как государство оценивается не в его пользу. Свое, естественно, позиционируется как правильное: «У нас не Польша: есть и больше (т. е. больше пана, вельможи, своевольника)». Несоблюдение закона изображается чертой всего государства, причем, по нарастающей, связанной с отдаленностью от территории нашего: «Что дальше в Польшу, то разбою больше». Военные действия поляков на территории России отразились в поговорке, построенной на игре слов: «Экое лихолетье» и «Экое ляхолетье», т.е. между мором и разорением – «лихолетьем» – и польским владычеством ставится знак равенства (Краюшкина 2017: 48).

В представлениях белорусов образ польской власти также носит явно чуждый характер: «Што пан, то собака», «Гаварыу бы па-польску, але язык конскі» (Середа, Иноземцева 2019: 341). Пан и мужик в белорусских сказках и в прямом, и в переносном смыслах разговаривают на разных языках. Речь пана почти всегда переводится на белорусский язык, что маркирует его «нечеловеческую» природу (Чернявская 2010: 161). Задиристость и конфликтность, гонорливость шляхты, ввязавшейся в авантюрные предприятия на Востоке, чужды рядовым белорусам: «Мазур то анно да гуляння зух»; «Мазуру біща, так як людям хлеб з маслам з“есць»; «Па чым пазнаць ляха? Што на чэраве бляха» (Лобач 2019: 565). Поскольку белорусские земли во множестве осваивала шляхта из польской области Мазовии, мазуры становились воплощением всех негативных черт польского владычества.

Белорусские пословицы отразили эпоху разделов Речи Посполитой: «Палякі былі гайдамакі, мала аб край дбалі і для таго прапалі»; «Наша Польша была дауней шмат больша» (Середа, Иноземцева 2019: 341).

В преданиях белорусов имя императрицы Екатерины II, разгромившей поляков и присоединившей к России белорусские земли, нередко представляется либо в образе христианской святой, либо в архаическом образе богатырши-асилки (Дучыц, Клімковіч 2011: 318). В XIX веке в селе Бездзедавичи в окрестностях Пскова было записано следующее предание: «Гэтым краем калісці валодау Батура. А як даведалася пра гэта асілак Кацяры-

на, дык пасбірала рускае войска і накіровала яго на польскую раць Батуры. Потым разбіла рэшткі палякау і пагнала іх у Дзвіну» (Дучыц, Клімковіч 2011: 318).

В русских исторических песнях взятие Варшавы выливается в здравицу полководцу А. В. Суворову (Литвин 1959: 46).

Его действия предстают исторически оправданными, при их изображении используется поэтическая гипербола (Литвин 1959: 45). В песне о взятии Варшавы говорится: «Как Аршав-город узнала, / Что Суворов к ней идет, / Воздохнул тяжко Аршава. / Все заплакали места: / “Лучше скрozy земли пройти, / От Суворова уйтить!”» (Азбелев 2001: 259). А. В. Буганов справедливо отмечал, что в народных представлениях русских Суворов выступал выразителем воли Божьей, богатырем, который знал «Планиду небесную» (Буганов 2013: 199). Поэтому падение Речи Посполитой воспринималось как исторически оправданное действие, направленное на воссоединение с православными, находившимися под польским владычеством.

Схожие настроения встречаем и в белорусском фольклоре. В записанной у пинчуков песне говорилось: «Ой, колы б, колы / Москалі б пришли, / Москалі прышлы, / Наши сродные, / Веры одныя! / Добрэ нам было, / Шчасно нам было, / Колі Русь уся, / Трымаючыся / Одной сілою. / За одно была!» (Беларускі эпас 1959: 187). В нынешней Беларуси нередки попытки навязать белорусской исторической памяти польский взгляд на события, связанные с

Памятник в честь 300-летия героической обороны Пскова

разделом Речи Посполитой и восстанием под предводительством Т. Костюшко. Представляется справедливым мнение белорусского исследователя А. Д. Гронского: «Не воспринимали крестьяне, жившие в конце XVIII в., Костюшко своим защитником, поэтому и не сделали из него культа, поэтому и нет в белорусской естественной исторической памяти упоминаний о восстании как о чём-то «своём». Лишь конструируемая историческая память формирует образы Костюшко - белорусского героя и Суворова - белорусского врага» (Гронский 2016: 21).

В. В. Мочалова справедливо отмечает, что в русском сознании существовал и иной образ Речи Посполитой, связанный с представлениями о свободе и просвещении (Мочалова 2000: 40-42).

Однако здесь имеется в виду просвещенное меньшинство: Андрей Курбский и другие беглые бояре, гонимые на родине печатник Иван Фёдоров, вольнодумец-еретик Фёдор Косой и его единомышленники, которые находили убежище в польских землях.

Для нас в данном случае более важны срезы народного исторического сознания, связанные с полигэтническим характером Русского государства, особенностями восприятия польской власти украинцами, литовцами, белорусами, русскими пограничных земель, ряд которых (Смоленщина, Брянщина) на протяжении длительного времени входили в состав Речи Посполитой.

В русском фольклоре нашли отражение образы польских городов как нечто достойное удивления: «Кто в Вильне не бывал, тот чудес не видал». В другой пословице вновь возникает образ чудесного города: «Азов был славен, Смоленск - грозен, а Вильна - дивна» (Новиков 2008: 18).

Речь Посполитая и Москва часто упоминаются в одном ряду в волшебных сказках, осознаются как крайние полюса обжитого людьми

мира. Подчеркивая уникальность какого-либо чудесного предмета, сказочники употребляли стереотипную формулу: ничего подобного нет ни у царя в Москве, ни у короля в Литве (Новиков 2008: 19).

В белорусском обрядовом фольклоре польские города приобретают символику мифологических центров, откуда к девушкам приходят необычные сваты: «Адзін кракавячак, а другі палячак, / Krakavjak z Krakova, a paляk z Bяльбова. / Пазнаш кракавяку па сівым каняку. / Добрае убранне - то перша кахранне, / Поляк на каштане - то друге кахранне» (Лобач 2009: 57).

Таким образом, при характеристике представлений у русских и белорусов о Речи Посполитой необходимо иметь в виду конкретно-историческую ситуацию, влияние определенных конфессиональных, идеологических, политических и этнокультурных условий на формирование предубеждений и стереотипов. В результате, сложная, мозаичная картина прошлого, неоднозначные аспекты военно-политических взаимоотношений двух соседних славянских государств сводились к традиционному противопоставлению «своего» и «чужого» в народной картине мира. Глядя в польское зеркало, русские и белорусы начинали больше любить и уважать себя, отстаивать свою веру и землю предков. Защитники Пскова, Минин и Пожарский, казаки, гетман Наливайко, отстававшие родные святыни, приобретали статус народных героев, а Польско-Литовское государство устойчиво ассоциировалось с враждебным, чуждым пространством и нечистой силой. Не всегда вписывались в эту картину представления жителей пограничья, поэтому отдельные польские короли и магнаты в белорусских преданиях и «паны» в русских текстах наделены в ряде случаев ролью «культурного героя», преобразующего местный ландшафт.

Источники и материалы

- Азбелев 1992 - Народная проза / сост., вступ. ст., подгот. текстов и comment. С. Н. Азбелев. М.: Русская книга, 1992.
- Азбелев 2001 - Исторические песни / сост., вступ. ст., подгот. текстов и comment. С. Н. Азбелев. М.: Русская книга, 2001.
- Беларускі эпас / под ред. П. Ф. Глебка, І. В. Гутарау. Минск: Выдавецтва АН БССР, 1959.
- ПМА 1996 - Полевые материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции 1996 года. А/к № 1231. Станица Надежная Отрадненского района Краснодарского края Инф. Сопотов Михаил Харитонович, 1910 г.р.
- Семенов 2018 - Семенов М. По следам войны Стефана Батория // Псковская лента новостей. 26.10.2018. <https://pln-pskov.ru/culture/326873.html> Дата обращения 12.01.2021.
- Шейн 1893 - Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края

/ собр. и приведенные в порядок П. В. Шейном. Т. 2: Сказки, анекдоты, легенды, предания, воспоминания, пословицы, загадки, приветствия, пожелания, божба, проклятия, ругань, заговоры, духовные стихи и проч. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1893.

Научная литература

Буганов А. В. (отв. ред.). Историческая память русского народа об Отечественной войне 1812 года / авторы А. В. Буганов, М. Г. Вандалковская, Л. А. Сидорова, А. Д. Соколова. Тула: ЗАО «Гриф и К», 2012.

Буганов А. В. Исторические представления и самоидентификация русских Рязанского края // Русские Рязанского края / отв. ред. С. А. Иникова. Т. I. М.: Индрик, 2009а.

Буганов А. В. Личности и события в массовом сознании русских крестьян XIX - начала XX в.: Историко-этнографическое исследование. М.: Принципиум, 2013.

Буганов А. В. Народный взгляд на историю Отечества (XIX — начало XX в.) // Очерки русской народной культуры / отв. ред., сост. И. В. Власова. М.: Наука, 2009б.

Громыко М. М. Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991.

Громыко М. М., Буганов А. В. О воззрениях русского народа. М.: Паломник, 2000.

Гронский А. Д. А. В. Суворов и формирование образа врага в современной Белоруссии // Военная история России XIX-XX веков. Материалы IX Международной военно-исторической конференции / под. ред. Д. Ю. Алексеева, А. В. Арановича. Санкт-Петербург, 25-26 ноября 2016 г. СПб.: СПбГУПТД, 2016.

Дучыц Л. У., Клімковіч І. Я. Сакральна географія Беларусі. Мінск: Література і Мастацтва, 2011.

Кабашников К. П. Традиции героического эпоса в белорусском народном творчестве // Основные проблемы эпоса восточных славян. М.: Изд-во АН СССР, 1958.

Клімуць Л. Я. Сармацкая культура беларускай шляхты у XVI-XVIII стагоддзях. Минск: Беларусь, 2013.

Краюшкина Т. В. Образ европейца в традиционном представлении русского народа (на материале пословиц и поговорок, собранных В. И. Далем) // Филология и человек. 2017. № 4.

Кротау А. М. Польща і палякі у светауспрыманні беларусау (XVI-XVII ст.) // XXI век: актуальные проблемы исторической науки: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию исторического факультета БГУ. Минск, 15-16 апреля 2004 г. / отв. ред. В. Н. Сидорцов. Минск: БГУ, 2004.

Левкиевская Е. Конфессиональный образ поляка в русской народной и письменной традиции // Поляки и русские в глазах друг друга / отв. ред. В. А. Хорев. М.: Индрик, 2000.

Литвин Э. С. Образ полководца Суворова в русском народном творчестве // Русский фольклор. Материалы и исследования. Т. IV. М.-Л., 1959.

Ліцкевіч А. «Слава Воршы ужо не горша...» // Беларуская думка. 2009. № 3.

Лобач В. А. Богатыри, осилки и девы-воительницы в топонимических преданиях восточных славян // Балто-славянские исследования - XX. Сб. науч. трудов. М.: Изд.-во Института славяноведения РАН, 2019.

Лобач У. А. Рускія, украінскія і польскія землі у міфапаэтичных уяуленнях беларусау XIX - пачатку XX стагоддзя // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия. А. Гуманистические науки. Культурология. 2009. № 1.

Лушневская Е. В. Героический эпос Беларуси XVI века (на примере Радзивиллиады Я. Радвана) // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития: материалы I Республиканской научно-практической конференции с международным участием. Минск, 23-24 февраля 2017 г. / отв. ред. О. Г. Прохоренко. Минск: Изд. центр БГУ, 2017.
Марзалюк И. Великое княжество Литовское в исторической памяти белорусов-русинов: от средневековья к модерну // Ab imperio. 2004. № 4.

Мочалова В. Польская тема в русских памятниках XVI в. // Поляки и русские в глазах друг друга / отв. ред. В. А. Хорев. М.: Индрик, 2000.

Некрашевич-Короткая Ж. В. События и лица российской истории второй половины XVI - второй половины XVII вв. в памятниках латиноязычной поэзии Великого княжества Литовского // Петербургские славянские и балканские исследования. 2012. № 2 (12).

Новиков Ю. А. Литва в русском фольклоре // Художественный текст: Восприятие. Анализ. Интерпретация. 2008. № 6.

Площук Г. И. Народные предания в заметках путешественников по Псковской губернии // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2020. № 11.

Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII-XVI вв. М.-Л.: АН СССР, 1960.

Середа Л. М., Иноземцева А. Э. Белорусы и европейцы: этнические гетеростереотипы в контексте межкультурной коммуникации // Беларусь у канцэксце єурапейскай гісторыі: асаба, грамадства, дзяржава : зб. навук. арт., прысвеч. 80-годдзю Гродзен. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы і 65-годдзю гіст. аддукцыі у Гродзен. дзярж. ун-це імя Янкі Купалы : у 2 ч. Ч. 1 / гал. рэд. А. А. Каваленя. Гродна: ГрДУ імя Янкі Купалы, 2019.

Филюшкин А. И. Завоевания Ивана Грозного в памяти потомков // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах. Вып. 5: к 80-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова / под ред. А. В. Петрова. СПб., 2016.

Черняевская Ю. В. Белорусы: от «тутэйших» - к нации / под общ. ред. А. Е. Тараса. Минск: УАинформ, 2010.

Шелехов М. В. За Веру и Волю: Памяти героев и жертв Освободительной борьбы Белой Руси в XVI-XVIII веках против уничтожения Православия посвящается. Минск: А. Н. Вараскин, 2012.

References

- Buganov, A. V. 2009. Istoricheskie predstavleniya i samoidentifikatsiya russkikh Riazanskogo kraia [Historical views and self-identification of the Russians of the Ryazan region]. In *Russkie Riazansko-go kraia* [Russians of the Ryazan Territory] / edited by S. A. Inikova. Vol. I. Moscow: Indrik.
- Buganov, A. V. 2009. Narodnyi vzgliad na istoriiu Otechestva (XIX — nachalo XX v.) [Folk view of the history of the Fatherland (XIX - early XX centuries)]. In *Ocherki russkoi narodnoi kul'tury* [Essays on Russian folk culture] / edited by I. V. Vlasova. Moscow: Nauka.
- Buganov, A. V. 2013. *Lichnosti i sobytiia v massovom soznanii russkikh krest'ian XIX — nachala XX v.: Istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [Personalities and events in the mass consciousness of Russian peasants in the 19th - early 20th centuries: Historical and ethnographic research]. Moscow: Printsipium.
- Buganov, A. V., ed. 2012. *Istoricheskaiia pamiat' russkogo naroda ob Otechestvennoi voine 1812 goda* [The historical memory of the Russian people about the Patriotic War of 1812] / avtory A. V. Buganov, M. G. Vandalkovskaia, L. A. Sidorova, A. D. Sokolova. Tula: ZAO «Grif i K».
- Cherniavskaya, Yu. V. 2010. *Belorusy: ot «tuteishykh» — k natsii* [Belarusians: from «Tuteyshih» to the nation] / edited by A. E. Tarasa. Minsk: UAinform.
- Duchyts, L. U., and I. Ya. Klimkovich. 2011. *Sakral'naia geografiia Belarusi* [Sacred geography of Belarus]. Minsk: Literatura i Mastatstva.
- Filiushkin, A. I. 2016. Zavoevaniia Ivana Groznogo v pamiatи potomkov [Conquests of Ivan the Terrible in the memory of descendants]. In *Paleorossiia. Drevniaia Rus': vo vremeni, v lichnostiakh, v ideiakh. Al'manakh. Vypusk 5: k 80-letiiu professora Igoria Iakovlevicha Froianova* [Paleorussia. Ancient Russia: in time, in individuals, in ideas. Almanac. Issue 5: to the 80th birthday of Professor Igor Yakovlevich Froyanova] / edited by A. V. Petrova. St. Peterburg.
- Gromyko, M. M. 1991. *Mir russkoi derevni* [The world of the Russian village]. Moscow: Molodaia gvardiia.
- Gromyko, M. M., and A. V. Buganov. 2000. *O vozreniakh russkogo naroda* [On the views of the Russian people]. Moscow: Palomnik.
- Gronskii, A. D. 2016. A. V. Suvorov i formirovaniye obraza vracha v sovremennoi Belorussii [A. V. Suvorov and the formation of the image of the enemy in modern Belarus]. In *Voennaia istoriia Rossii XIX-XX vekov. Materialy IX Mezhdunarodnoi voenno-istoricheskoi konferentsii* [Military history of Russia in the XIX-XX centuries. Materials of the IX International Military History Conference] / edited by D. Yu. Alekseeva, A. V. Aranovicha. Sankt-Peterburg, 25-26 noiabria 2016 g. St. Peterburg: SPbGUPTD.
- Kabashnikov, K. P. 1958. Traditsii geroicheskogo eposa v belorusskom narodnom tvorchestve [Traditions of the heroic epic in Belarusian folk art]. In *Osnovnye problemy eposa vostochnykh slavian* [The main problems of the epic of the Eastern Slavs]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Klimuts, L. Ya. 2013. *Sarmatskaia kul'tura belaruskai shliakhty y XVI-XVIII stagoddziakh* [Sarmatian culture of the Belarusian nobility in the XVI-XVIII centuries]. Minsk: Belarus'.

- Kraiushkina, T. V. 2017. Obraz evropeitsa v traditsionnom predstavlenii russkogo naroda (na materiale poslovits i pogovorok, sobrannykh V. I. Dalem [The image of a European in the traditional representation of the Russian people (based on proverbs and sayings collected by V. I. Dal]. *Filologija i chelovek* 4.
- Krotay, A. M. 2004. Pol'shcha i polaki y svetaysprymanni belarusay (XVI-XVII st.) [Poland and Poles in the worldview of Belarusians (XVI-XVII centuries)]. In *XXI vek: aktual'nye problemy istoricheskoi nauki: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 70-letiiu istoricheskogo fakul'teta Belorusskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [XXI century: actual problems of historical science: Proceedings of the international scientific conference dedicated to the 70th anniversary of the history faculty of the Belarusian State University]. Minsk, 15-16 aprelia 2004 g. / edited by V. N. Sidortsov. Minsk: BGU.
- Levkivskaia, E. 2000. Konfessional'nyi obraz poliaka v russkoi narodnoi i pis'mennoi traditsii [The confessional image of the Pole in the Russian folk and written tradition]. In *Poliaki i russkie v glazakh drug druga* [Poles and Russians in each other's eyes] / edited by V. A. Khorev. Moscow: Indrik.
- Litvin, E. S. 1959. Obraz polkovodtsa Suvorova v russkom narodnom tvorchestve [The image of the commander Suvorov in Russian folk art]. In *Russkii fol'klor. Materialy i issledovaniia* [Russian folklore. Materials and research]. Vol. IV. Moscow-Leningrad.
- Lobach V. A. 2019. Bogatyri, osilki i devy-voitel'nitsy v toponimicheskikh predaniakh vostochnykh slavian [Heroes, donkeys and warrior maidens in toponymic legends of the Eastern Slavs]. In *Balto-slavianskie issledovaniia - XX. Shornik nauchnykh trudov* [Balto-Slavic studies - XX. Collection of scientific papers]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta slavianovedeniia RAN.
- Lobach, U. A. 2009. Ruskii, ukraiinskiia i pol'skiia zemli y mifopoetichnykh uiayleniakh belarusay XIX - pachatku XX stagoddzia [Russian, Ukrainian and Polish lands in the mythopoetic representations of Belarusians of the XIX - early XX centuries]. In *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria. A. Gumanitarnye nauki. Kul'turologiia* 1.
- Lushnevskaia, E. V. 2017. Heroicheskii epos Belarusi XVI veka (na primere Radzivilliady Ia. Radvana) [Heroic epos of Belarus of the 16th century (on the example of Y. Radvan's Radzivilliada)]. In *Lingvistika, lingvodidaktika, lingvokulturologiia: aktual'nye voprosy i perspektivy razvitiia: materialy I Respublikanskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Linguistics, linguodidactics, cultural linguistics: topical issues and development prospects: materials of the I Republican scientific and practical conference with international participation]. Minsk, 23-24 fevralia 2017 g. / edited by O. G. Prokhorenko. Minsk: Izdatel'skii tsentr Belorusskogo Gosudarstvennogo Universiteta.
- Litskevich, A. 2009. «Slava Vorshy yzho ne gorsha...» [«The glory of Vorsha is not bitter ...»]. *Belaruskaia dumka* 3.
- Marzaliuk, I. 2004. Velikoe kniazhestvo Litovskoe v istoricheskoi pamiatni belorusov-rusinov: ot srednevekov'ya k modernu [The Grand Duchy of Lithuania in the historical memory of Belarusians-Rusyns: from the Middle Ages to modernity]. *Ab imperio* 4.
- Mochalova, V. 2000. Pol'skaia tema v russkikh pamiatnikakh XVI v. [The Polish theme in Russian monuments of the 16th century]. In *Poliaki i russkie v glazakh drug druga* [Poles and Russians in each other's eyes] / edited by V. A. Khorev. Moscow: Indrik.
- Nekrashevich-Korotkaia, Zh. V. 2012. Sobytiia i litsa rossiiskoi istorii vtoroi poloviny XVI - vtoroi poloviny XVII vv. v pamiatnikakh latinoazychnoi poezii Velikogo kniazhestva Litovskogo [Events and faces of Russian history in the second half of the 16th - second half of the 17th centuries. in the monuments of Latin-language poetry of the Grand Duchy of Lithuania]. *Peterburgskie slavianskie i balkanskie issledovaniia* 2 (12).
- Novikov, Yu. A. 2008. Litva v russkom fol'klore [Lithuania in Russian folklore]. *Khudozhestvennyi tekst: Vospriiatiie. Analiz. Interpretatsiia* 6.
- Ploshchuk, G. I. 2020. Narodnye predaniia v zametkakh puteshestvennikov po Pskovskoi gubernii [Folk legends in the notes of travelers in the Pskov province]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria «Sotsial'no-gumanitarnye nauki»* 11.
- Putilov, B. N. 1960. *Russkii istoriko-pesennyi fol'klor XIII-XVI vv.* [Russian historical song folklore of the XIII-XVI centuries]. Moscow-Leningrad: AN SSSR.
- Sereda, L. M., and A. E. Inozemtseva. 2019. Belorusy i evropeitsy: etnicheskie geterostereotipy v kontekste mezhkul'turnoi kommunikatsii [Belarusians and Europeans: Ethnic Heterostereotypes in

the Context of Intercultural Communication]. In *Belarus' u kantekstse eyrapeiskai gistoryi: asoba, gramadstva, dziarzhava* [Belarus at kanteksse europeyskay history: asoba, gramadstva, dzyarzhava]: zb. navuk. art., prysvech. 80-goddziu Grodzen. dziarzh. un-ta imia Ianki Kupaly i 65-goddziu gist. adukatsyi y Grodzen. dziarzh. un-tse imia Ianki Kupaly: u 2 pt. Pt. 1. / edited by A. A. Kavalenia. Grodna: GrDU imia Ianki Kupaly.

Shelekhov, M. V. 2012. *Za Veru i Voliu: Pamiati geroev i zhertv Osvoboditel'noi bor'by Beloi Rusi v XVI–XVIII vekakh protiv unichozheniya Pravoslaviia posviashchaetsia* [For Faith and Freedom: Dedicated to the memory of the heroes and victims of the Liberation struggle of White Russia in the 16th-18th centuries against the destruction of Orthodoxy]. Minsk: A. N. Varaskin.

THE POLISH-LITHUANIAN COMMONWEALTH IN THE NATIONAL HISTORICAL REPRESENTATIONS OF RUSSIANS AND BELARUSIANS: GENERAL AND SPECIAL

